

Посадить ребёнка в социальный лифт — дело семьи

В декабре 2004 года Министерство образования и науки РФ опубликовало документ «О приоритетных направлениях развития образовательной системы Российской Федерации». Он вызвал множество противоречивых слухов. Каких же изменений в школьной системе ждать родителям и как скоро они наступят? На эту тему мы беседуем с директором столичного Центра образования «Царицыно» № 548, давним знакомым читателей нашего журнала, **Ефимом Лазаревичем Рачевским**.

— Собственно говоря, все, что изложено в этом документе, логически продолжает принятую в 2000 году Концепцию модернизации российского образования. Один из важных ее пунктов — стремление сделать образование сферой инвестиций. Речь идет не столько о государственных инвестициях, сколько о личных, об инвестициях семьи в образование ребенка. Это вовсе не означает, что среднее образование должно стать платным. Есть общеизвестная статистика: если семья вкладывает в образование ребенка 10 % своего дохода, то уровень благосостояния той семьи, которую создаст сам ребенок, когда вырастет, будет на 25 % выше, чем у родителей. Если вложено 20 %, благосостояние вырастет в полтора раза. При этом инвестиции — не обязательно деньги: это и внимание к здоровью ребенка, и оснащение его рабочего места, и формирование домашней библиотеки, и забота о том, чтобы он посещал, помимо школы, секции или клубы, имел доступ к информационным сетям, это, наконец, просто время, уделенное на общение с ним.

— В этом нет ничего революционного, это то, что всегда делалось и делается в хорошей семье.

— Разумеется. Революционное, точнее, непривычное для нас, в другом. Мы еще с советских времен привыкли, что за нас, граждан, всё или почти перечисленное всегда продельвало государство. Ну, допустим, были хорошие детские сады, и там ребенок гарантированно получал дошкольное образование. Была массовая трудовая политехническая школа, содержание образования в которой было везде одинаковым. Перед семьей не стояла проблема выбора. Недовольство таким положением высказывала лишь малая прослойка интеллектуалов. А в массе люди, не то чтобы были довольны — школу могли клясть сколько угодно, — но выбора не было! Тогда как сейчас... Вот я сделал любопытное наблюдение. В весенние школьные каникулы в Москве гораздо меньше пробок, хотя это не отпускное время — просто на неделю перестают возить детей из одного конца города в другой. Их же возят в школы теперь. Значит, люди реально озабочены выбором образовательной карьеры для своего ребенка. Реально дошкольное и школьное образование перестало быть зоной ответственности государства и стало зоной ответственности и интереса семьи.

Государство не отменило статьи конституции, гарантирующие всеобщее среднее образование, но так же, как в случае с лекарствами для пенсионеров, гарантирует некий минимум. Я адресуюсь к родителям: если вас этот минимум устраивает, хорошо; если же нет, извольте сами становиться реальными соучастниками образовательного процесса, ибо закон это позволяет.

— То есть речь не идет о пересмотре этого самого минимума? — Нет. Многие решили, что вот сейчас подскочат цены в детсадах. Это неверно. Произошел уход государства из системы общего и дошкольного образования на федеральном уровне, все отдано регионам. Хотя по

сути так и было. В зависимости от того, каков регион, больше или меньше ресурсов будет направлено в детские сады. В России 22 донорских региона, там, может быть, будет лучше, чем в остальных. Возьмите США — там тоже этим занимаются правительства штатов, и уровни вложений разные.

— Каких конкретных изменений нужно ждать?

— Будет изменена нормативная база, в соответствии с которой работают детсады, школы и вузы. В Думу уже поступили четыре законопроекта. Но ни один из них напрямую не касается средней школы, тут всё еще в процессе разработки. Каких изменений надо ждать? Во-первых, изменится система дошкольного образования. Посылки этого, на мой взгляд, разумные, и я постараюсь их объяснить. Видите ли, что бы мы ни говорили о конкретном детском садике, в целом в СССР был накоплен серьезный дидактический, методический, технологический опыт по дошкольному образованию. В начале 90-х система дошкольного воспитания оказалась размытой, практические уничтожены. Предприятия, оказавшиеся в состоянии финансового кризиса, вынуждены были отдавать свои сады в систему образования, а она, лишенная ресурсов, не смогла их должным образом поддержать. Помещения детских садов сдавались в аренду, продавались. И сегодня в крупных городах очереди в детсад, в Москве эта проблема стоит особенно остро. Между тем, родители, осознав инвестиционную актуальность образования, стали в своих вполне естественных, здоровых образовательных амбициях искать хорошие школы. А хорошие школы, благодаря отсутствию стандартов и известному волонтеризму директоров, стали проводить отбор: этого мы берем, а этого не берем. Отсюда возникла иллюзия о необходимости некой специальной подготовки ребенка к школе. Это именно иллюзия, потому что такая подготовка абсолютно противоположна. Критерии готовности ребенка к школе просты, и они зафиксированы в законе. Он должен быть готов по состоянию соматического здоровья, а в психосоматическом отношении у него должна быть развита достаточная произвольность, то есть он попросту должен быть в состоянии двадцать минут просидеть спокойно. Поскольку же школы в начале 90-х годов стали разными, с разными уровнями требований, то возникли подготовительные курсы, аналогичные курсам подготовки в вуз, и там стали происходить следующие мерзости — по-другому я этого назвать не могу! Детей четырех-пяти лет стали натаскивать на математику, русскую словесность, впахивать в их неготовое сознание модели познания, которые несообразны возрасту, вместо того чтобы развивать мелкую моторику, рисовать с ними, петь, танцевать, заниматься их здоровьем. В итоге в шесть с половиной — семь лет ребенок приходит в школу, заучив какие-то вещи, некоторым даже таблицу умножения вдалбливают, а школьная программа вынуждает его все делать по-новому. И хотя у младших школьников учебная деятельность — ведущая, у него вырабатывается стойкое отвращение к школе. Так вот, замысел так называемой предшколы в том, чтобы создать стандарты дошкольного образования. Многих наших лириков и романтиков от образования отпугивает само слово «стандарт», они думают, что вот сейчас всунут туда ту же самую таблицу умножения! Но имеется в виду другое: будет сказано, что таких-то вещей делать нельзя, например, заучивать таблицу умножения в пять лет, а

можно учить правильно и хорошо держать карандаш, лепить из пластилина, можно проводить логопедическую диагностику и подправлять речь.

— Но от этого не прибавится хороших школ, не уменьшится поток желающих попасть в них и не отпадет необходимость отбора. Что же делать директору хорошей школы, такой, как ваша, или просто той школы в микрорайоне, которая лучше трех соседних? В нее приходит столько народу, что на класс получается не 28 человек, а все 50.

— Если говорить о нашей школе, у нас три первых класса, 75 мест, а я мог бы скомплектовать не три, а десять. Но у меня нет помещений, и мне это не нужно. Поэтому мы установили простые критерии. Во-первых, это возрастной ценз — не меньше шести с половиной лет. Во-вторых, преимущественным правом пользуются жители ближайшей, приписанных к школе, четырех домов, братья и сестры наших учеников и еще дети и внуки наших выпускников.

— Значит, если к вам придет ребенок из пятого дома...

— Я его не возьму. По закону он, как и все дети города Москвы, имеет право учиться, где захочет, но при наличии свободных мест. Что же касается того, умеет ребенок читать или нет, мы на это не смотрим. У нас есть тестирование, но оно не проверяет навыки, а определяет, нужна ли будет ребенку помощь и какая именно. Есть интересная закономерность, которую было бы полезно знать родителям. Мы посчитали, сколько детей умеют читать при поступлении в школу. Пять лет назад таких было процентов 60, сейчас — 90. Это результат родительских усилий. Но к концу второго класса все выравниваются, все читают.

— А где будет происходить это предшкольное обучение?

— Вот это главный вопрос. Сейчас заведующие детсадов боятся, что у них заберут пяти- и шестилетних детей, а директора школ боятся, что им их навяжут. Здесь нет и не должно быть резкого разграничения. Конечно, уровень комфортности в саду больше, чем в школе, дети должны днем спать, иначе питаться, и вообще они там дома. Если детсад располагает кадровым потенциалом, который в состоянии обеспечить образование детей этого возраста, они и могут этим заниматься, если же нет, если там воспитатели имеют начальное педагогическое образование, — а таких, поверьте, немало, — то школы будут десантировать своих педагогов, которых надо специально готовить.

— Насколько это будет обязательно? Дети ведь развиваются по-разному. Предшкола будет частью школы?

— В законе зафиксировано, что каждый ребенок имеет право на индивидуальную образовательную программу. Вы даже можете, если не хотите, не отдавать его в школу. А региональные власти должны обеспечить вам финансирование, если вы его учите дома. Москва сегодня тем, кто занимается семейным образованием, платит 15 тысяч в год. Обязательным является одно — государственная итоговая аттестация. Что касается предшколы, то она фактически есть и теперь. Не в школе, так в саду, а то и дома.

Переходим к следующему изменению. Есть предположение, что начальная школа будет не четырехлетней, а пятилетней. То есть выпускнику начальной школы будет 11 лет. Раздаются голоса, что неплохо бы сделать и шесть лет, как в Англии, там в школу с четырех лет ходят; во Франции практически 100 процентов детей охвачены дошкольным образованием.

Я бы хотел поговорить еще об одном очень важном моменте. Две страницы текста в новом документе посвящены общественному соуправлению школами. Недавно проведено международное исследование качества образования, согласно которому Россия оказалась на 27-м месте, а лидер — Финляндия. Задания и тесты, которые предложили ребятам, были нацелены на умение использовать знания в реальной ситуа-

ции, то есть не на объем, а на оперативность знаний. В отечественной школе все 45 минут урока ребенок находится в пассивном, объектном состоянии. Учитель вещает — он записывает, либо учитель велит — он решает. В финской же школе большую часть времени ребенок работает самостоятельно, он активен, он субъект образовательного процесса. Одна из причин такого положения в том, что там родительская общественность во многом определяет методики, содержание, технологию образования. Англичане 12 лет назад пошли по этому пути и создали в школах управляющие советы. Я своим родителям говорю: берите власть, определяйте, будем мы жить по пятидневке или шестидневке, будем вводить тот или иной дополнительный предмет или нет.

— А много ли родителей хотят участвовать в управлении школой?

— Немало. Это в основном люди молодые, которые не верят государственным гарантиям, сознают себя налогоплательщиками, связывают образование своего ребенка с его будущим. Они читают лицензии, уставы школы, задают конструктивные вопросы и ставят разные проблемы, они не испорчены тоталитарной ментальностью. Сегодня законодательная база на 100 % позволяет родителям вмешиваться в учебный процесс. Пусть родители не верят школе. Я их призываю: не верьте, пожалуйста, школе! В каждом уставе записано, что они — субъект образовательного процесса. Это один из фундаментальных аспектов реформы.

— Говорят о том, что собираются сократить обязательную школьную программу на четверть и сделать эту четверть платной. Есть ли основания для таких опасений?

— На недавних парламентских слушаниях министр действительно предложил разгрузить базисную часть учебного плана, но не во всей школе, а только в старшей. Освободившиеся 25 процентов выделяются в качестве ресурса для индивидуальных и групповых занятий по выбору ребенка, платить за них будут не родители — это просто оговорка, — а государство. Нужна ли вообще такая разгрузка? Это связано с профильным образованием в старшей школе. Профильное обучение не является обязательным, родители должны это понимать. По нашим прогнозам, треть школьников предпочтут классы с универсальной программой. Остальные же захотят дополнить свою программу предметами по выбору. Если школа не может дать ему их на углубленном уровне, он может взять их в другой школе или, скажем, в доме детского творчества. Но для этого нужно время.

— Каково все же разграничение полномочий между родительской общественностью и государством? Могут ли родители влиять на то, будет или не будет введен тот или иной предмет в программу?

— В законе об образовании сказано, что стандарты определяются правительством. Конечно, до того, как принимается решение, идут парламентские слушания, возможны и общественные. Но реальной силы ни то, ни другое сегодня не имеет.

— Ну, а что делать, если завтра в школьном учебнике истории напишут, что Сталин был великий человек с некоторыми недостатками?

— Можно не учиться по такому учебнику, уйти в экстернат, но, чтобы получить диплом, на выпускном экзамене ребенку придется сказать, что Сталин был великий человек. Другое решение лежит за пределами нашего разговора, в политической плоскости. Если мы хотим быть быдлом, мы им будем. Это я адресуюсь к родителям. Если не хотите — перестаньте им быть.

— Большой вопрос — качество учителей. Можно ли его контролировать и можно ли ждать улучшений?

— Для контроля нужна независимая оценка качества обучаемости детей. Сегодня есть только одна внеш-

няя оценка — это ЕГЭ, и она дала печальные показатели. 20 процентов школьников не справились с заданием по математике. Примерно 200 тысячам выпускникам средних школ в 2004 году нельзя было выдать аттестат. Ну, поскольку это эксперимент, им добавили по баллу и выдали. Сейчас мы, образовательное сообщество, сами являемся заказчиками, исполнителями и оценщиками собственной деятельности. Но потихоньку создается система независимой экспертной оценки не только на конечном, но и на промежуточных этапах обучения. В Англии, например, инспектор имеет право прожить в школе четыре дня, а результаты его анализа школа обязана опубликовать на своем сайте или в местной прессе. Если там написано, что в школе грязно, пахнет мочой, бегают тараканы, а дети на уроках математики играют в крестики-нолики, то никто своих детей в школу не отдаст. А там подушевое нормативное финансирование. Значит, школу надо будет закрывать. Подобный механизм создается и у нас.

— Как известно, ничего нельзя сделать задаром. Где источники финансирования всех тех мер, которые повысят уровень школьного образования? И прежде всего, подготовки педагогов и оплаты их труда?

— Я не скажу нового. Из моих двухсот выпускников четверо хотят идти в педвузы, и я знаю, что из них в лучшем случае один вернется в школу. Профессия учителя неконкурентна, многие полагают, что из-за зарплаты, но дело еще и в социальном статусе. Хотя зарплата играет очень существенную роль. Здесь, если уповать исключительно на государство, ничего не получится. Москва обещала повысить зарплату бюджетникам на 45 процентов, но все равно ученик сварщика будет получать в три раза больше, чем учитель. Я полагаю, что ситуация тут безнадежная. На мой взгляд, выход сегодня один — не надеяться на государство и перестать стыдливо говорить, что у нас нет социальной дифференциации, она у нас есть. И точно так же, как успешные семьи могут позволить себе иной отдых, автомобиль и жилище, так же они могут обеспечить иное образование своим детям.

— Но тогда дети тех же учителей не смогут позволить себе хорошее образование.

— Разумеется, это не лучший выход. Но единственно возможный. Есть государства, социально ориентированные, как в скандинавских странах, где нет гигантской разницы между бедными и богатыми. Там социальные сферы мощно финансируются. У нас же государство патерналистское. Оно занимает иную позицию, то есть гарантирует минимум. Есть еще ряд законопроектов, среди них — об изменении организационно-правового статуса учебных учреждений. Это имеет отношение и к школе. Если школа хочет получать больше денег, чем дает казна, она может перейти в иную правовую форму, стать, например, некоммерческой организацией и продавать образовательные услуги. Будет платить государству налоги, а оно будет ее финансировать в рамках социального заказа. Допустим, в моей школе обучается 25 душ из микрорайона, остальные учились бы платно. Или другой пример: государство гарантирует обучение английскому языку в пределах трех часов в неделю, остальные часы — за деньги родителей. Пока государство социально не ориентировано, семья должна взять заботу обо всем превышающем минимум на себя. Хорошо это или плохо, но такова реальность. Тут очень важна роль общественного самоуправления, чтобы контролировать, как школа расходует средства. Сегодня школа, бесспорно, выполняет функцию социального лифта. Если семья захочет посадить туда своего ребенка, значит, она будет искать ресурсы.

Беседовала Наталья Мавлевич

Вокруг развития и воспитания

Новое о хорошо знакомом и ещё не знакомом

Иностранный язык наращивает мускулатуру мозга

Специалисты из колледжа при Лондонском университете обнаружили еще одно доказательство того, что изучение иностранных языков не просто «тренирует» клетки мозга, но и может изменять структуру их связей. В частности, оно влияет на ту область нашего серого вещества, которая занята обработкой информации. Внешне это похоже на то, как путем физических упражнений наращиваются мускулы.

В ходе эксперимента были проанализированы умственные способности 105 человек, 80 из которых владели двумя языками. Выяснилось, что те, кто учил языки в детстве, обладают более гибким мышлением.

Среди участников исследования были выделены четыре группы: 25 британцев, которые не говорят ни на каком другом языке, кроме английского; 22 уроженца других европейских стран,

владеющих не только своим родным языком, но и английским; 25 бывших вундеркиндов, освоивших второй язык до достижения ими пятилетнего возраста; 33 человека, выучивших второй язык в возрасте 10–15 лет. Результаты объективных измерений показали, что у тех, кто владеет двумя языками, определенные области коры головного мозга более развиты. Причем самым заметными эти изменения были у тех обследованных, которые говорили на двух языках с детства.

Как известно, в течение жизни человека количество клеток коры его головного мозга, около 20 миллиардов, практически не увеличивается. Это означает, что формирование способностей происходит на фоне не количественных, а качественных изменений мозга. Активизация его работы и усложнение структуры протекает под воздействием и внутренних биологических, и внешних обучающих факторов. «Полученные нами данные свидетельствуют в первую очередь о том, что иностранными языками надо заниматься с ранних лет,

когда головной мозг наиболее пластичен, — заявила доктор Андреа Мечелли, руководившая исследованием. — Чем дольше человек откладывает овладение вторым языком, тем меньше его шансы на успех».

Таланты тех, кто овладел, по крайней мере, еще одним языком до пяти лет, связаны с воспитанием в среде, где принято знать, как минимум, два языка. (Это важно, например, в Швейцарии, где государственными языками служат одновременно и немецкий, и французский, и итальянский.)

Если ребенку меньше пяти лет, то второй язык он способен освоить так же хорошо, как и первый, то есть он будет говорить практически без акцента и писать без ошибок. Сейчас все больше сторонников приобретает та точка зрения, согласно которой способность к усвоению языков не связана с генетической предрасположенностью. Впрочем, специалисты полагают, что на развитие коры головного мозга влияет не только изучение языков, но и приобретение других навыков.

Гении и тестостерон

Самые блестящие умы человечества, оказывается, не так далеко ушли от угонщиков автомобилей и грабителей: великие ученые наиболее активны до 35 лет, причем всеми своими достижениями они обязаны желанию поразить представительниц противоположного пола.

Согласно исследованию, проведенному в Новой Зеландии, открытием структуры ДНК и законов термодинамики человечество обязано тем же мотивам, которые толкают молодых людей на путь преступлений.

Великие мужчины ученые, как и обычные мужчины преступники, наибольшую успехов достигают в молодые годы. Обе группы представителей мужского пола после женитьбы утрачивают пыл и прежнее усердие. Похоже, результаты исследования подтверждают наблюдение Эйнштейна, согласно которому крупный вклад в науку можно сделать до 30 лет. Сам Эйнштейн опубликовал свою специальную теорию относительности в 1905 году, когда ему было 26 лет.

В ходе исследования, проведенного под руководством Сатоши Каназава из Кентерберийского университета, были изучены биографии почти трехсот великих ученых. Оказалось, что две трети из них (главным образом мужчины) самые крупные открытия в сделали до 35 лет. «Кривая продуктивности» благодетелей человечества практически полностью идентична аналогичной кривой обычных мужчин преступников, пик активности которых обычно располагается между поздней юностью и ранней зрелостью. По мнению Кана-

зава, данный феномен легко объяснить желанием поразить воображение особой противоположного пола. Брак серьезно притупляет в мужчинах страсть к науке, равно как и страсть к преступлениям. Так, за пять лет супружеской жизни лишь четверть великих ученых отметилась публикацией значительных научных трудов, ставших последними в их карьере.

Ряд великих научных открытий действительно был сделан молодыми учеными. Исаак Ньютон, к примеру, считал 23-й год своей жизни «лучшим возрастом для изобретений». Ну а профессором математики в Кембриджском университете он стал в 26 лет. Джеймс Уотсон, вместе с Френсисом Криком открывший двойную спираль ДНК, вписал свое имя в историю человечества в возрасте 25 лет. В последующий период ему так и не удалось сделать в науке что-нибудь, что по своему значению могло бы затмить это открытие.

Каназава считает, что неожиданную близость между учеными и преступниками можно объяснить «одним и тем же психологическим механизмом». У молодых и одиноких мужчин отмечается высокий уровень тестостерона, благодаря которому они способны рисковать и творить. Когда же мужчина остепеняется, уровень тестостерона падает, и вместе с этим снижаются как творческая, так и криминальная активность. Теперь он должен заботиться в первую очередь о семье, а уж потом о работе. Однако и здесь не обошлось без исключений. Сэр Александр Флеминг открыл

пенициллин в возрасте 47 лет, успев к тому времени 13 раз побывать в браке.

В выборке Каназава слишком мало женщин ученых, чтобы делать серьезные выводы относительно них, однако ряд примеров говорит скорее об обратной тенденции. Так, Мария Кюри получила докторскую степень в возрасте 36 лет, к тому времени она состояла в браке уже восемь лет. И лишь спустя семь лет ей удалось получить чистый радий. Розалинда Франклин провела дифракционные исследования молекул ДНК с помощью рентгена, оказавшиеся решающими для открытия Уотсоном и Криком двойной спирали, когда ей было за 30. Любопытно, что она вообще никогда не была замужем.

Женатые люди здоровее, счастливее и веселее одиноких

Взрослые, состоящие в браке, и умственно — по сравнению с разведенными, овдовевшими, живущими в незарегистрированном браке или никогда в браке не состоявшими. Это утверждение газеты «Вашингтон Таймс» не голословно. Оно опирается на результаты исследования, которое провели Центр контроля над заболеваемостью и Национальный центр статистики здравоохранения. В этом исследовании были проанализированы данные о 127 тысячах человек.

Независимо от возраста, пола, расы, образования, дохода и национальности, состоящие в браке взрослые люди реже страдают от проблем со здоровьем, от серьезных психоло-